

Александр Фирсов

Претендент

18+

Александр Олегович Фирсов

Претендент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67763192

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда-то давно люди могли общаться лишь с помощью несовершенного древнего речевого аппарата, сейчас же в метареальности аккаунты передают друг другу нейрослепки с полным погружением в личный опыт собеседника. Больше нет потребности ни в чем, нет страха исчезновения планеты, ведь вся метавселенная может уместиться в одном фотоне. Теперь жизнь стала игрой. Из настоящего остались спортсмены, созданные по ДНК выдающихся индивидуумов древности. На их состязания смотрят миллиарды, мечтая хоть на наносекунду стать ближе к своим кумирам, не зная, да и не желая знать, что скрывается за всей этой большой олимпиадой.

Александр Фирсов

Претендент

Мир «будущего» – это всегда тот же мир «прошлого» с тем отличием, что все аспекты человеческой жизнедеятельности гипертрофируются и выпячиваются, находя истоки в объективной надобности и всегда заканчивая оголтелым тщеславием, смешанным со шкурными интересами отдельных классов или даже единичных власть имущих людей. Любой избыток – первый шаг к безумию. Оттого если у людей появляются свободные ресурсы, а в спину дуют благоприятствующие политические и социальные ветра, они с усердием принимаются исправлять «ошибки прошлого», доводя до абсурда любую дисциплину, манеру дел и образ мышления, нагромождая бесконечные надстройки, превращая в конечном итоге жизнь в сложную и почти всегда уродливую, наполненную бессмысленными условностями и маразматичной вычурностью систему, которая всегда является лишь новой и новой концепцией Вавилонской башни.

Савелий с трудом открыл глаза. Реальность сразу ударила по всем его чувствам тяжестью собственного явления. Впрочем, старший системный администратор был опытным сотрудником и как любой профессионал воспринимал этап пробуждения как грязную часть работы, с которой необходимо быстро и уверенно разобраться, не теряя лишнего вре-

мени и психических ресурсов. Указательным пальцем он нащупал заветную кнопку на панели физического интерфейса. После нажатия из специальных капельниц ему в организм устремились различные питательные вещества, которые должны были укрепить его физическое тело, чтобы Савелий мог справиться с возложенной обществом на него задачей. Через несколько минут системный администратор с легкостью покинул свою капсулу и, следуя протоколу, стал подвергать тесту свое тело, так как оно являлось его главным рабочим инструментом. Комплекс физических упражнений, походивших на простую гимнастику, не угнетали настрой Савелия, даже наоборот – простые и действенные приемы нравились техническому уму Савелия. В сагиттальной проекции кисть должна гнуться на 90 градусов – ок, сделано. Коленный рефлекс присутствует – сделано. Просто и понятно. Другое дело – психофизическая инспекция. В рабочих мануалах, написанных более ста лет назад, было указано следующее:

«Работник после пробуждения должен внутренне оценить свое самочувствие на присутствие слабости, тошноты, болезненности и прочих недомоганий. Если таковые явления не обнаружены, сотрудник может приступать к обязанностям. Если обнаружены, то в зависимости от недомогания пройдите на страницу устранения проблемы».

Недоразумение заключалось в том, что сами понятия болезненности, тошноты и слабости, с тех пор как были напи-

саны мануалы, изменились настолько, что рядовой гражданин никогда бы не смог опознать и отделить одно от другого. В мире людей, т.е. в виртуальной метареальности, чувства и ощущения могли меняться в зависимости от текущего игрового или рабочего сезона, страховки, рабочего пропуска, количества нулей на банковском счете или кредиторской задолженности. К примеру, зубная боль инфлюенсера-миллиардера качественно отличалась от зубной боли какого-нибудь обывателя на должности живого бота с самой дешевой картой техобслуживания аккаунта. При таком разнообразии и постоянном круговороте психических ощущений адекватно воспринимать свое «настоящее» тело практически невозможно. Поэтому Савелию оставалось лишь полагаться на исправность приборов обеспечения жизнеспособности, которые чутко следили за поддержанием гомеостаза его биологической оболочки. Работа у Савелия была ответственной и малооплачиваемой, но, как любая работа с внешней реальностью, была отягощена привязкой к физическому телу, потому считалась почетной и даже героической. С другой стороны, Савелия не спрашивали, кем он хочет быть. Его зачали в физическом мире с помощью автоматизированных систем, наделив от зачатия необходимыми навыками для той работы, которую ему уготовано было исполнять до конца дней. По мнению самого Савелия, это плохо вязалось с идеей абсолютной свободы и принятия, господствовавшей сейчас в метареальности, но спорить с философскими хитросплетене-

ниями цифровых гегемонов не имел возможности, хотя бы потому что в нем не было заложено таких качеств в эмбриональном периоде. А потому, хоть Савелий подспудно чувствовал какое-то несоответствие в своем житейском положении, принимал это как незыблемую данность и тянул свою ляжку, как и сотни миллиардов других обитателей метареальности. В конце концов, у него было еще все очень неплохо. Он был на своем месте, обслуживал востребованные процессы и считался положительной единицей общества.

Закончив наконец протокол пробуждения, Савелий незамедлительно двинулся исполнять обязанности. Не потому что являлся гиперисполнительным сотрудником, а потому что хотел скорее вернуться в привычный виртуальный мир, подобно тому как рыба хочет вернуться обратно в реку, оказавшись в лодке рыбака. Нахождение в биологическом теле было очень изматывающей задачей. Физическая оболочка была бесконечно ущербной, а реальность вокруг почти не поддавалась настройке. Ты не мог менять гравитацию, ускорение падения, массу и сопротивление материалов – это были зачастую постоянные величины. И ты всегда обязан был прогибаться под эти условности. Восприятие окружающей действительности ограничивалось набором слаборазвитых и почти неинформативных органов чувств. Зрение от «первого лица» с чудовищно малой передачей цветов, скверной детализацией и сверхкоротким горизонтом обзора. Грубый слух, ограниченный таким маленьким диапазоном частот,

что его вообще сложно отличить от полной глухоты. Иногда Савелий задумывался о том, что еще два столетия назад все люди сплошь были такими и данное восприятие реальности являлось нормой. По телу его сначала пробегала дрожь, а затем волна облегчения, от того что он родился не в те дремучие времена.

Сделав три решительных шага в сторону двери, отделяющей комнатку с его капсулой жизнеобеспечения от рабочей зоны, он точно удостоверился, что тело работает исправно. Облегчало его работу то, что площади, в которых ему приходилось иметь дело, были очень малы и, соответственно, не требовали многих манипуляций с биологическим скафандром. Передвигать ногами, в общем, было не очень сложно – главное сохранять равновесие. Но мелкие манипуляции руками, в особенности пальцами, являлось тяжелой работой, требующей максимальной концентрации. Верхом мастерства в управлении органическим манипулятором считалось умение перекатить монетку с тыльной стороны указательного пальца до мизинца, поочередно опуская каждый следующий палец, позволяя объекту под собственной тяжестью совершить необходимый путь. Таких высококлассных пилотов, было не много, и они всегда обслуживали только чемпионов олимпиады.

Савелий нажал кнопку на панели двери, и та тотчас разъехалась в разные стороны, освобождая ему путь в рабочую зону. Сисадмина тут же обдало холодком. Температура из-

за находившихся здесь серверов была значительно ниже. В целом рабочая комната также не отличалась внушительными размерами, и большую ее часть занимал трон спортсмена. Высокотехнологическим нагромождением он возвышался посреди комнаты. От него отходили немногочисленные физические трубки жизнеобеспечения, все остальные процессы передавались в метареальность непосредственно через ритмы мозговой активности спортсмена. Вдоль стен располагалось разнообразное техническое оборудование, необходимое для поддержания тренировок спортсмена в гиперреальности. Гиперреальность – специальное место цифрового пространства, навроде тренировочной площадки, где спортсмен тысячами часов мог отрабатывать каждое свое движение, оттачивая мастерство. Гиперреальность была доступна для каждого жителя метареальности, но лишь спортсмены и шоумены имели выделенные локальные сервера, недоступные для кибератак и шпионажа. По этой же причине обслуживанием таких серверов занимались «реальные люди» вроде Савелия, а не машины или нейросети, которые можно взломать. Такие сотрудники сами по себе являлись автономными, потому как их разум находился внутри мозга его физтела, а не внутри метареальности и лишь имел к ней крайне защищённое подключение. В случае угрозы утечки данных сисадмин тут же принудительно отключался от мира людей и возвращался обратно в тело, в безопасности переживая, пока служба безопасности не разберется с про-

блемами. Уход в физический мир являлся абсолютной мерой безопасности, ведь физические оболочки имелись только у спортсменов и их обслуги. У 99,999% индивидуумов, находящихся в метареальности, не было никакого доступа к так называемому физическому миру. Человечество уже довольно давно полностью переселилось в цифровое пространство, за безнадобностью утратив связь с корневым пространством планеты. Теперь доступ к машинам и ко всему физическому железу остался лишь у немногочисленных спецслужб, которые путем сложных взаимоотношений и соподчинения, исключая саботаж и измену, обхаживают всё это устаревшее барахло, спрятанное где-то около ядра планеты. Большая часть метареальности давно отключилась от физических серверов, перенеся свое гигатонное информационное тело в волновое и квантовое пространство. Когда планета окончательно разрушится, это никак не повлияет на мир людей. Они жили в отдельной вселенной, спрятанной, быть может, в одном единственном фотоне. Кстати, благодаря усердной работе контент-менеджеров метареальность, по оценке историков, по своим размерам превосходила Млечный Путь и росла каждое мгновение. Так, человечество обрело бессмертие. Насколько Савелий помнил из школьной программы, в какой-то момент люди, обретя цифровое бессмертие, вскоре потеряли всякий смысл и волю к существованию, после чего стали массово самоуничтожать свои аккаунты, разочаровавшись в бытии как таковом. Решением,

которое спасло метареальность от самоистребления, стало провозглашение эпохи свободы и принятия. Негласно же она имела другое название – эпоха игр. Всё на свете стало игрой. А сутью любого явления или действия стала борьба со скукой и унынием. То, что по очевидным причинам нельзя было сделать игрой, например, все серьезные хозяйственные и управленческие процессы, полностью автоматизировали, избавив человека от какой-либо ответственности. Те же, кто сознательно хотел получить удовольствие от настоящей работы, шли в спецслужбы и административные органы, которые зачастую были надуманными и игровыми, а потому терялись друг среди друга. И абсолютно никто не мог сказать, работает он в настоящей конторе или в подставной. Это лишь подстёгивало интерес инфантильной публики.

Так как все превратилось в фарс, а фарс стал единственным важным занятием для сотен миллиардов цифровых душ, то и управлять таким миром стали не кто иные, как масовики-затейники. Это были разномастные инфлюенсеры от обычных безымянных клоунов-стендаперов с миллионом фолловеров, до таких мастодонтов сферы развлечения, как божественный гений Себастьян – великий поедатель каловых масс со ста двадцатью миллиардами почитателей его концептуального творчества. Спорт по социальной важности шел сразу за шоу-бизнесом, а некоторые спортивные события, вроде олимпиады, неизменно входили в тройку лидеров интересов жителей метареальности. Спортсмены бы-

ли подобны богам. В особенности это касалось чемпионов. Когда-то на заре метареальности, когда технические мощности еще не были избыточными, у одного олимпийского чемпиона по плеванию вишневыми косточками случился сбой аккаунта. Чтобы спасти профиль от возможных потерь данных, пришлось отформатировать целый гетто-кластер с населением в десять миллионов обывателей. Высвобожденные мощности ушли на поддержание аккаунта чемпиона. Вся общественность метареальности с облегчением выдохнула. Исчезновение целого мегаполиса живых душ никого же не смутило. Люди эпохи игр, не знавшие смерти, совершенно не ценили жизнь. По крайней мере, безликую, статистическую. В бесконечных играх граждане умирали тысячи раз на дню и вновь возрождались, каждый день меняли свой пол, расу, внешность. Превращались в камень на проселочной дороге в эмуляции средневековой эпохи и проводили так сотни лет. Проживали жизнь капли муссонного дождя, раз за разом падая и разбиваясь, тут же испаряясь и вновь падая на землю. В метареальности все было возможно и дозволительно. Поэтому никто на самом деле не понимал, что такое настоящее и окончательное небытие. Не понимал этого и Савелий. Его работой было обслуживать олимпийского бегуна, входящего в сотню лучших спринтеров. В случае опасности он не задумываясь отдал бы свою жизнь ради подопечного инфлюенсера. И не потому что так его обязывали законы или заложенные от рождения паттерны поведения, а просто потому

что искренне верил в то, что разумно пожертвовать песчинкой, чтобы солнце продолжало светить. Люди метареальности перестали жить сами по себе и сами для себя – они перерождались в своих кумирах-идолах, превращая их в цифровых колоссов, подобно как когда-то давно живые органические клетки создавали многосложный хордовый организм. Инфлюенсеры превратились в богов, а люди-клетки, составляющие их призрачные тела, сторали без остатка в любви обожания, и их место с радостью занимали другие. Аккаунты обывателей миллионами разрушались, терялись, квантовались – пастырь всех пастырей же, фекальный гурман Себастьян, был вечен, всемогущ и прекрасен.

Оказавшись в комнате со спортивным треном, Савелий перво-наперво осмотрел большой монитор на задней стенке громоздкого устройства. Пролистав экраны с диаграммами, показывающие историю тренировок спортсменов, старший сисадмин заметил, что показатели скорости за последнюю неделю упали более чем на процент. В особенности это было заметно при старте и в конце забега. Что-то притормаживало его подопечного. И хуже всего, что налицо явно была отрицательная динамика. Протокол и здравый смысл подсказывал опытному сотруднику немедленно перейти на вкладку здоровья и в случае нормы искать проблему в компьютерном железе и программном обеспечении. Савелий решил, что вряд ли проблема возникла с технической стороны. Несмотря на предупреждения всех мануалов, более чем

за семьдесят лет работы Савелий ни разу не сталкивался с проблемами с технической стороной вопроса. Разумные боты-техники и многочисленные нейросети сводили практически к нулю любые сбои и неполадки, а посторонние вредительство исключалось автономной локальностью профиля спортсмена-олимпиадника. Для начала Савелий решил провести визуальный осмотр капсулы с телом спортсмена. Живо обойдя трон, перед ним предстала встроенная каплевидная полимерная капсула, в которой полулежало физтело спринтера. Техническое стекло было полностью прозрачное, поэтому сисадмин мог отлично видеть подопечного. Несомненно, когда-то это тело было создано из исторически точной ДНК великих спортсменов древности. Хотя вряд ли кто-то из древних людей конца 21 века смог бы опознать в нем профессионального спортсмена. Тело бегуна имело дистрофичный и атрофированный вид. В старые времена так мог выглядеть только инвалид поневоле (сейчас в метареальности быть инвалидом – осознанный выбор с широким набором настроек). В древние века людям выпадало родиться теми или иными почти в случайном порядке, что теперь даже представить было сложно. Внешний вид физтела олимпиадника не имел значения, потому что теперь спортсмен – в первую очередь, это морально-волевой концентрат, клубок натренированных органических нейронов с несгибаемой волей к победе и умением преодолевать трудности. Соревнования же проводились в метареальности, и там спортсмен мог иметь

любой образ, так называемый скин. Имиджем аккаунта любой знаменитости занимались агентства по пиару и маркетингу, в случае божественного Себастьяна – целая корпорация. А «настоящее» тело никого не интересовало, да и никто и никогда, кроме Савелия или его возможного коллеги, не увидит это тело. Что касалось спортивных возможностей, тут все было по-настоящему. Мозг претендента был строго органического происхождения, по стандартам конца двадцатого века. Без каких-либо имплантатов, искусственно усиливающих способности. За этим очень строго следили. Потому как в этом была вся соль спортивных игр. В метареальности любой человек имел безграничные возможности: бег со сверхзвуковой скоростью, прыжок с места на сто метров – легко! Мир людей превратился в сон, в пространство господства воображения, где не было ограничений и рамок. И именно поэтому так ценились профессиональные спортсмены, не использующие возможности виртуального пространства, а полагающиеся лишь на ограниченный ресурс древнего биологического мозга. Спорт в метареальности можно было сравнить, к примеру, с соревнованиями программистов, которые покупают за огромные деньги раритетные компьютеры древности, а затем пытаются разогнать их примитивные процессоры до максимума, выжимая из них всё возможное, затем бахвалясь перед друг другом. Спорт в настоящем – выжимание воды из камня, где каждая миллионная секунда на финише была достижением десятка лет непрерывных

тренировок. Не зря в народе олимпиаду часто называли не иначе как великой гонкой безлапых черепах. Савелий же про себя добавлял, что черепахи эти ещё и тупые, и одержимые.

В сущности, разум спортсмена представлял собой небольшую когнитивную программу по поиску и оптимизации процессов в конкретном виде спорта. Больше спортсмен ни о чем не умел думать. Все мозговые ресурсы были загружены тренировками и анализом этих тренировок. Его жизнь – волевое устремление на решение одной единственной задачи, за счет бесконечной химической стимуляции мотивационного отдела его мозга. В этом плане он ничем не отличался от тостера или утюга. Разве что был намного-намного сложнее устроен. Его, наверное, можно было бы пожалеть, ведь ему не предоставлялась возможность выбирать. Он был живым инструментом, марионеткой, которая быстро-быстро бегала внутри колеса, изнывая от чудовищных усилий, которым нет конца. Вот только любой из людей с великой радостью встал бы на его место, ведь спортсмен-олимпиадник был любовником «всеобщей игры», что являлось высшей целью и стремлением каждого положительного гражданина метареальности. К тому же никто из обывателей не имел понятия ни о настоящей жизни спортсмена, ни о том, какими жертвами окупаются его успехи. В новостных лентах граждане видели модные и счастливые скины, посещающие светские мероприятия, открывающие новые приложения допреальности и тематические миры, рассуждающие о политике и искусстве.

И хоть все вокруг знали, что это результат кропотливой работы сценаристов и пиарщиков, все равно прекрасно верили в увиденное. И все потому что это было частью игры. А игра была превыше всего. Может показаться абсурдным, но если провести опрос всех зарегистрированных аккаунтов о значении игрового аспекта в их жизни, то более 90 процентов честно выберут варианты: «умеренный» или «минимальный». Людям эпохи игр в самом деле кажется, что они живут вполне серьезной жизнью, объективным целеполаганием и внимательным отношением к окружающему миру. К бесконечной игре и хаосу они относятся как к единственно возможному протеканию хозяйствования и, не зная другого жития, не имея сравнения и референсов, всё воспринималось за чистую монету. Этот факт являлся апологией эпохи игр, который никто из живущих этого времени не сможет уразуметь. Жизнь вновь переиграла людей, сумев примерить истину и ложь, белое и черное внутри их цифровых голов. Игра без игры, серьезная несерьезность. Взаимоисключающие вещи стали отлично родниться и синергировать внутри поля «мира грез». Вся метареальность, изначально задуманная как исчерпывающий, окончательный рай, где не будет места исконным сомнам страданий человеческих, со временем превратилась в гигантский парк аттракционов, единственная задача которого – занять восприятие ее обитателей яркой мишурой смыслов, отвлечь их от себя самих, от очевидной бесцельности собственного бытия. Страдания при

этом никуда не делись. Потеряв свою былую выпуклость и осязаемость, они теперь утончились, словно едва заметные ядовитые нити, и огромной паутиной пронизывали все профили, все структуры и алгоритмы новой реальности. Но кому было до этого дело? Среди множества множеств удовольствий самого широкого спектра несчастье попросту не узнавалось массами. А в метареальности всё, что не признавалось массами, вроде и не существовало вовсе. А потому не стоило об этом и думать. И старший системный администратор Савелий не думал. Сейчас ему было, чем занять свой ум. Отсмотрев все возможные логи за прошедшую неделю, он так и не смог понять в чем причина ухудшения производительности его подопечного. Все витамины и минералы поступали в его кровь в необходимом количестве. Потоки серотонина и дофамина обжигающей плетью подстегивали его неутомимое стремление к чемпионству. Зашкаливал и тестостерон, отвечающий за полубезумную ярость тренировок и бескомпромиссную ненависть к соперникам. Все было как надо. И все же спортсмен слабел с каждым днем. Сканирование технических процессов тоже не показало сбоев. И тело, и трон спортсмена работали исправно. На такой случай у Савелия не было инструкций. Оказавшись в тупике, он бесцельно принялся ходить вокруг трона, пытаясь взглядом наткнуться хоть на что-то, что бы могло дать ему зацепку. Наконец, вручную проверив каждый стык и каждое соединение и не найдя расхождений с нормативами, Савелий

совсем отчаялся. Вероятно, следовало составить отчет и отправить его в вышестоящие органы, но Савелий знал, что в конце концов лишь он может помочь важному члену общества, ведь ни у кого другого не было доступа. Автономность серверов и самого физтела в этой ситуации играла теперь против них. Всё же уведомить спортивную ассоциацию было необходимым. Стоило этим заняться. Прежде чем возвратиться в свою капсулу, Савелий еще раз скрупулезно осмотрел каждую пядь комнаты, в конце остановившись на капсуле с телом олимпиадника. На перламутровом стекле капсулы было золотом выгравировано: «Гермес V, претендент» – имя спортсмена, счет его реинкарнаций и спортивный статус. Физтело быстро изживало себя и по необходимости заменялось клоном с полным сохранением памяти и навыков. Гермес умирал уже четыре раза – три раза от старости, а однажды от психического перенапряжения прямо во время тренировки. Это было большой редкостью, и Савелий тогда получил большой нагоняй от начальства, ведь инцидент, конечно же, списали на халатность ответственного специалиста. Савелий в свою очередь мог поклясться, что все показатели были на должном уровне, но люди метареальности настолько привыкли верить в непогрешимость ее автоматике, что в конце концов старший сисадмин убедил себя, что в самом деле был не прав. Впрочем, это недоразумение никак не повлияло на спортсмена, едва ли тот вообще понимал, что не раз уже умирал и воскресал вновь. А вот Савелию по-

везло, что спортсмен не погиб во время соревнований, ведь тогда его однозначно ждало позорное увольнение и ссылка на «край» метавселенной в дешёвую двумерную восьмибитную реальность, где он прозябал бы в одиночестве до конца веков. Такое уже случалось с другими. Одни сисадмин, обслуживающий футболиста из списка ТОП-10, по случайности ошибся в заданном диапазоне выработки адреналина – это привело к множественным разрывам кровеносных сосудов в мозгу спортсмена. Повреждения оказались столь серьёзными, что личность футболиста не поддавалась восстановлению. Тот день до сих пор считается днём траура в большей части метареальности. Что касается виновника, то общественность выдвинула свой приговор. Его профиль встроили в программу классической видеоигры, пришедшей в метареальность еще из древних времен начальной компьютеризации. Легендарная «Змейка» была настоящим памятником истории и фундаментальной концепцией цифровых игр как таковых. Так вот, бедолагу сделали той самой постоянно возникающей на поле точкой, которую игроку следовало поглотить, управляя извилистым телом схематично нарисованной змеи. Теперь, когда кто-то в метареальности играл в «Змейку», тот парень оживал на каждый сеанс, для того, чтобы раз за разом быть пожираемым ненасытным двумерным червём. Стоит ли говорить, что программисты наделили процесс условного поглощения самой широкой дугой ужасающих ощущений, которую переживал осужденный и к кото-

рой не имел никакой накопительной резистентности. С учетом того, что одновременно могли играть миллионы людей, лишь отдаленно можно представить, в какой ад превратилась жизнь неудачливого сисадмина.

Чем-то похожим могла обернуться жизнь каждого «ангела-хранителя», который не сможет уследить за благополучием своего подопечного.

Савелий проринк к прозрачной капсуле, внутри которой лежало скрюченное и неприглядное тело Гермеса. До боли напрягая бестолковое человеческое зрение, он вглядывался в каждую пору на теле спортсмена, пытаясь найти отклонение или аномалию. Все, конечно же, было в порядке. Единственное, что заметил Савелий, но в чем не был уверен – уродливое лицо Гермеса, обычно бесстрастное, теперь имело слабые маркеры печали. В это было сложно поверить. Чуть сведенные к переносице лысые брови, слегка опущенные уголки тонких губ. И в целом лицевая мускулатура казалась немного напряженной. Веки на закрытых глазах чуть подрагивали, раз или два каждую минуту. Савелий еще раз открыл журнал мониторинга жизнеобеспечения. До сих пор он смотрел лишь на показатели нейромедиаторов, которые и отвечали за психологическое настроение подопечного, теперь же он перешел на вкладку психоэмоционального поля, которую считал бесполезным придатком программы. Все показатели находились в красных областях значений. Это казалось совершенно невероятным. Выходило, что Гермес,

несмотря на оптимальный уровень гормонов, находился в глубоком психическом упадке, на грани нервного срыва. Разум его испытывал интенсивные муки совершенно неясного происхождения. Савелий знал примеры, когда некоторые спортсмены испытывали упадок воли после проигрыша на соревнованиях, но то были единичные случаи, и даже тогда показатели психополя падали на десятые доли. Обычно гормональная терапия жесткими уздечками удерживала эмоциональный настрой претендента в нужном курсе. Спортсмен не имел воли и стремлений иных, кроме тех, что для него были предписаны текущими пожеланиями народных масс. Это была основа основ. Это касалось всех – политиков, учителей и ученых. Желания у масс тоже не возникали сами по себе, а диктовались из громогласных мессенджеров инфлюенсеров. О чем желать, чем восхищаться и на кого ровняться люди метареальности всегда узнавали из общего информационного поля. Те немногие, кто желал жить натуральными ощущениями и формировать взгляды на жизнь из собственного опыта, считались отрицательными членами общества и в лучшем случае подвергались игнорированию. В худшем их аккаунты отменяли. Отмена аккаунта – это тотальный мут по всем фронтам, отсутствие права голоса и мнения. А без этого ты не существуешь вовсе, превращаешься в бесплотного призрака, молчаливо бродящего среди толп беспрестанно галдящих масс. Это еще одно отличительное качество мира людей. Чем больше ты высказываешься, чем

больше тебе позволено говорить, тем полноценнее и значимее считается твоя жизнь. Во многом это определяло статус твоего профиля. Поэтому в метареальности все без умолку говорили и писали, говорили и писали – только лишь для того, чтобы оставаться на виду. Но говорить и писать нужно было не абы что, а придерживаясь линии, выбранной твоим кумиром-инфлюенсером. Таким образом, ты вступал как бы в клуб по интересам, а на деле в настоящую банду, где каждый ее член имел круговую поруку. К примеру, если на тебя наехала локальная веган-тусовка из ста миллионов душ и пытается добиться отмены твоего аккаунта из-за того, что ты подверг критике их новое крем-мыло на основе коровьего навоза и полевого хвоща, то тебе необходимо состоять в банде бьюти-инфлюенсера с двухсот миллионной аудиторией, чтобы ты мог сослаться на авторитетного селебрити, тем самым как бы снимая ответственность за свои слова. При таком раскладе ты защищен, и веганы, умывшись своим навозным мылом, вынуждены отступить восвояси. Если, конечно, они не имеют поддержки покруче, например, со стороны светлого Себастьяна, являющегося без малого богом в вопросах, касающихся всевозможных экскрементов. Слово его – закон. И кто угодно прикусывал язык, когда великий гурман вещал о говне, видах его и значении для общества.

Поэтому современный обыватель метареальности сызмала выбирал целую колоду разномастных лидеров мнений, чьё влияние, словно щит, должно уберечь его от всевозмож-

ных бед, которые могут приключиться на просторах цифровой вселенной.

Холодный ужас тем сильнее сковывал старшего системного администратора, чем больше он изучал психическое состояние вверенного ему спортсмена. Исходя из динамики, Гермес мог в любой день впасть в кататонию или лишится рассудка. Наконец, взяв себя в руки, Савелий было направился к двери между отсеками, чтобы поскорее вернуться в мир людей и доложить о ситуации, но на полпути вдруг остановился. Вероятно, в результате стресса в его голове всплыло неожиданное решение. Когда-то давным-давно его предшественник, который был из числа первых поколений, рожденных в метареальности, рассказывал ему, что во времена становления современного спорта сисадмины имели возможность подключаться к гиперпространству спортсмена для отладки и коррекции софта. Позже, когда появилась отлаженная схема, в этой функции отпала надобность, ведь всем руководила автоматика.

Савелий не знал, чем такое проникновение в разум спортсмена может помочь проблеме, и что вообще он собирается там предпринимать, но знал, что, когда будет отчитываться перед начальством, то несомненным плюсом будет то, что он, как ответственный сотрудник, предпринял все возможные меры для выхода из кризисной ситуации. Стоило попробовать. К тому же когда еще выпадет возможность лично побывать в гиперпространстве профессиональ-

ного спортсмена. Далеко не каждый сисадмин может похвастаться таким уникальным опытом. Как и положено человеку эпохи игр, в старшем сисадмине заиграл жгучий интерес от возможности прикоснуться к запретному и недостижимому. Неизвестно, чем могла закончиться эта вылазка. И, наверное, правильнее было сначала уведомить о своем решении вышестоящих. Но также существовала большая вероятность, что в ассоциации не дадут разрешения на столь рискованный шаг. Вне зависимости от последствий, Савелия ожидала самая интересная, самая уникальная игра, которую мог позволить себе человек его уровня. Через минуту азарт наконец победил осторожность, и Савелий тут же открыл приборную панель трона и стал искать нужную функцию. Найдя необходимые настройки, Савелий быстро пробежался по инструкциям и был немало удивлен, что подключение происходит через обычный модуль синхронизации мозговых электромагнитных волн, встроенный в трон – посредством старой доброй медитации. Необходимо было лишь настроить собственные альфа, бета и тета ритмы в определенном диапазоне, после чего их улавливал модуль и связывал с психополем спортсмена – так происходила синхронизация. Управлять волнами мозга Савелия научили еще на спецкурсе. К тому же он долгое время числился последователем культа теории межпространственного эфира, потому как в тот игровой сезон в метареальности было модно придавать своему профилю эзотерическую или откровенно псевдонаучную

окраску. В той секте многодневные марафоны по медитации были привычным делом, и хоть целью тех практик, как позже узнал Савелий, был майнинг очередных мошеннических коинов лидером сообщества, все же он получил неплохие познания по сути предмета. В метареальности люди легко относились к обману. Обман был повсюду, он тесно переплетался с правдой и даже мог меняться с ней местами по многу раз год. При многих возможностях становилось много такого, что в одной части метареальности нечто являлось абсолютной истиной, в соседней же считалось абсурдной нелепицей. Но ни та, ни другая крайность не мешала существовать миру людей в целом, они не исключали друг друга в самом деле, а значит являлись лишь надуманным частным случаем, к которому можно было не относиться серьезно. Каждый придумывал свою правду в зависимости от того, что хотел получить, а благодаря техническим возможностям всё и всегда получалось. Поэтому среднестатистический житель метареальности давно привык существовать в условиях безусловности, не веря ничему по-настоящему, но с полным принятием и ответственно исполняя правила той игры, в которую вязался сегодня. Все, что происходило сегодня воспринималось по-настоящему, завтра же уже будет совершенно по-другому – но тоже по-настоящему. Метареальность сама по себе переливалась, как перламутровая бесформенная лужа, каждую секунду меняя цвет в зависимости от угла, с которого ты на нее смотришь. Поэтому само понятие обмана ис-

тончилось и потеряло былое значение и теперь скорее понималось как корректировка или маневр, нежели как что-то такое, что не соответствует действительности. Потому что чего-то такого, что не соответствовало действительности в метареальности не было. Или, по крайней мере, ловко это скрывалось массами от себя самих. В общем-то, так и работала идея абсолютной свободы и принятия. Свободы для всего возможного и невозможного, и одновременное принятие чего угодно с чем угодно другим без каких-либо взаимоисключений, несостыковок и пререканий. Но об этом, опять же, никто особенно не задумывался, а если и задумывался, то в контексте какой-нибудь конкретной игры, а не как об общем основополагающем явлении того мира, в котором он проживал.

Существенным же для старшего сисадмина сейчас было то, что подключиться к разуму Гермеса оказалось довольно нехитрым делом.

Увлеченный неожиданной идеей сисадмин с нетерпением принялся к подготовке задуманного. Если бы он мог видеть себя со стороны, он бы заметил, как от возбуждения покраснели щеки, и подрагивают губы на его лице.

Как полагает обычай, Савелий закрыл глаза и, скрестив ноги, сел на пол в специальную позу, хоть, конечно, это никак не влияло на сам процесс медитации. Но для человека эпохи игр все несущественные действия и церемонии были иной раз гораздо существеннее конечной цели и результата.

Чаще важен был антураж любого действия, ведь именно он создавал атмосферу игры и гипнотически воздействовал на инфантильное внимание гражданина, увлекая его и вместе с тем стимулируя чувство радости. Так было, потому что в метареальности имитация действия и была самой целью. Человечество, решив все проблемы с собственной выживаемостью, наконец-то смогло отойти от дел и позволить себе то, чего испокон веков желало больше всего – оставаться вечными невзрослеющими детьми. Всегда увлеченными и восторженными. Наивными и капризными.

Савелий быстро вошел в резонанс с приемником трона, и через минуту-другую среди всполохов и разводов, которые видел под закрытыми веками физтела, стали прорисовываться конкретные линии, которые быстро складывались в узнаваемые очертания. После отрисовки контуров стал появляется объем и цвета. Наконец Савелий понял, что находится посреди огромного древнего спортивного стадиона образца конца двадцатого века. Стадион был открытый и, задрав голову, сисадмин увидел так называемое небо – участок обзоримой стратосферы, который в древние времена являлся верхним горизонтальным фоном по умолчанию. Тогда люди не могли выбирать тематические миры в которых хотели бы проживать, и иной раз одни и те же пейзажные экстерьеры мелькали перед глазами от колыбели и до могилы. Савелий с нескрываемым разочарованием осмотрел плоский голубой участок неба, до которого нельзя было ни дотронуться,

ни попробовать на вкус, да и запаха никакого небо, кажется, не имело. Зато внимание Савелия привлекло покрытие под его ногами. Оказывается, он стоял прямо посреди беговой дистанции – широкому и длинному овальной формы треку, аккуратно разделённому вдоль на отдельные дорожки. В метареальности соревнования по бегу проводились на точно таких же аутентичных аренах, но все же оказаться в оригинальном месте, сохранённом в памяти тогдашнего очевидца-спортсмена, было огромной удачей. Савелий горько расстроился, подумав о том, что слепок его собственной памяти об этом моменте нельзя было выложить к себе в профиль, ведь разум спортсмена-олимпиадника и распространение такого рода инсайтов являлись подсудным делом. А жаль, ведь тогда рейтинг его аккаунта взлетел бы до небес. Люди метареальности любили подноготную селебрити совершенно любого качества, но чем более сокровенней и интимней были подробности, тем сильнее был ажиотаж публики. Выложить же в общую доступность контент абсолютной уникальности – значило обеспечить свою жизнь на многие-многие века вперед. Стадион, конечно же, ничем не отличался от тех, которые можно было посмотреть и пощупать в метареальности, кроме того, что в воздухе висел бы водяной знак, доказывающий, что это оригинальный контент, произведений мозговой активностью Гермеса V, претендента на олимпийского чемпионства. От такой потрясающей мысли у Савелия даже голова закружилась. Он представил, как сотни миллионов лю-

дей заходят на его профиль и платят баснословные барыши, лишь бы только ненадолго окунуться в слепок его памяти. Савелий мечтательно улыбнулся, но через секунду отогнал дурные мысли, ведь он был проверенным профессионалом своего дела и никогда бы не пошел на такое предательство подопечного.

Отогнав шальные мысли, Савелий взял себя в руки, напомнив себе, что он здесь по очень важному делу. Впрочем, это не слишком помогло ему собраться. Ощущение уникальности и грандиозности происходящего дурманил его рассудок. Сисадмина бросало то в жар, то в холод, а кожу покалывало от нетерпения. Он впитывал восприятием каждую мелочь окружающей гиперреальности: температуру воздуха, слабые запахи, освещение, форму и цвет длинных зрительских рядов, мягкость покрытия бегового трека. Все это было восхитительно, все это было уникальным и... настоящим. Это место, то что он видел и слышал, не являлось копией копий, пропущенных через тысячи голов и разумных алгоритмов, адаптированных и подретушированных, как это бывало в метареальности. Сейчас он находился в живом слепке настоящей истории древнего человека, свидетеля единичного события, которое больше нельзя было воспроизвести никак иначе, кроме как в этом старинном органическом компьютере под названием мозг. С восхищением оглядываясь по сторонам, Савелий наткнулся взглядом на человеческую фигуру, метрах в тридцати сидящую на длинной скамье. Догадав-

шись, что это не кто иной, как сам Гермес, сисадмин сорвался с места и широкими, чуть неуклюжими шагами направился в сторону спортсмена. Не таясь, громко шаркая ногами, незнакомец не привлекает внимание спортсмена, даже когда оказывается в паре метров от него. Остановившись около прославленного бегуна, Савелий широкими от восторга глазами осматривает знаменитость. В гиперреальности он выглядит совсем по-другому. Гермес высок, чрезвычайно мускулист и сух – кажется, что в его теле вообще нет воды и жира, одни тугие узлы напряженных мышц, обтянутые бронзовой от загара кожей. Спортсмен сидит на скамье, откинувшись на стену трибуны и прикрыв глаза. Он совершенно бездвижен, как будто спит. Только могучие грудные мышцы под спортивной майкой медленно взимаются от глубокого неторопливого дыхания. Савелий знал, что в гиперреальности Гермесу всегда двадцать девять лет, но выглядел он лет на двадцать старше – в длинных канавах морщин, с провалившимися глазами и сединой на висках. Старший системный администратор целую минуту стоял перед ним как вкопанный, оглядывая олимпиадника с головы до ног. Все это время в голове его мелькали непреодолимой интенсивности мысли о том, что необходимо срочно сделать селфи, скриншот или гифку этого поразительного момента его жизни, в общем, хоть как-то увековечить момент, который возможно есть триумф и главное достижение всей жизни. Но он не в метареальности и у него нет такой возможности, хотя мо-

рально он уже был готов преступить даже закон о конфиденциальности. Наконец, огромным для человека эпохи игр волевым усилием Савелий перевел мысли в профессиональное русло и понял, что не знает, что ему делать дальше. Он просто об этом не подумал заранее. Никаких инструкций на случай личной встречи с подопечным в условиях гиперреальности у него не имелось. Только теперь он осознал, к чему может привести его вмешательство в личное пространство селебрити. Никто не мог ручаться за ответную реакцию, которая понесет психика спортсмена от такого форсированного вторжения. Савелию стало страшно. У него разом похолодели руки и ноги, а губы искривились и затряслись в беззвучном плаче. Он оборачивался по сторонам, интуитивно ища привычные интерфейсы FAQ и голосовых помощников, которые всегда были под рукой в метареальности, но не находил их. Вокруг вообще не было никакой допреальности, лишь пустой стадион, заполненный ярким дневным светом. Помощи ждать было неоткуда. Необходимо было сделать то, что современный цифровой человек почти никогда не делал – самостоятельно выработать решение и без всякой страховки и оглядки на советы профильного инфлюенсера исполнить его, полностью взяв ответственность за последствия. Савелий напрягся изо всех сил, пытаясь что-то придумать, но неподготовленная психика дала сбой, и сисадмин начинает грязно рыдать, то и дело подвывая и хлюпая. Теперь спортсмен заметил его присутствие. Он открыл глаза и по-

смотрел в сторону Савелия. Через секунду его чуть грустный и усталый взгляд светлых глаз сменяется удивлением и непониманием. Могучий спортсмен растерянно глядит на мужчину в униформе спортивной ассоциации, который как вкопанный стоит на месте и совершенно безутешно ревет, пуская сопливые пузыри из носа.

– Господи боже! Парень, ты кто такой? И почему ты ре-вешь как баба? – спокойно, без какого-либо упрека в интонации спрашивает спортсмен, тяжело наклоняясь вперед всем корпусом.

Савелий тут же перестает хныкать, утирая крупные слезы, потупившись глядит под ноги. Не отвечает.

– Кажется, я все-таки сошел с ума. Так ведь? – качает головой Гермес и чуть грустно улыбается. – Ты ведь не настоящий, да? – обращается он к Савелию. – Конечно не настоящий. Просто я, наконец, сбрендил здесь от одиночества и этих бессмысленных изматывающих тренировок. Наверное, я умер во сне и попал в ад. Верно, это место, – он обвел крепкими руками пространство стадиона, – ад. Персональный. Знаешь, парень, здесь даже день и ночь не приходят друг другу на смену. Не дует ветер, и не прилетают птицы. Отсюда нельзя уйти. Я тысячу раз пытался. От бессилия и злобы остается только бегать и бегать, все быстрее и быстрее. И все время что-то, что не подвластно моему пониманию, побуждает меня соревноваться с какими-то невидимыми соперниками, раз за разом... – Гермес V схватился руками за голо-

ву. – Я даже не знаю, сколько я уже здесь, день или тысячу лет. Я все бегу. Мои ноги ломит от боли, и когда боль затуманивает сознание, и я проваливаюсь в спасительную тьму, всё равно каждый раз я просыпаюсь на этой скамейке, чтобы вновь начинать все сначала.

Гермес тряхнул головой, скидывая неприятные воспоминания. Он вновь внимательно осмотрел раскрасневшегося сисадмина, неподвижно стоявшего чуть поодаль и исподлобья глядящего на спортсмена.

– Но, видно, раз я попал в ад, значит было за что. Всему есть конец, однажды я отработаю свои грехи и смогу наконец упокоиться, а если повезет, отправлюсь в рай, к жене. Она, конечно же, там, моя роза, мой цветок, – при этих словах спортсмен заулыбался непринужденно и даже весело. – Клянусь, более добропорядочной женщины не сыскать на всем свете. Ну да ладно.

Видя, что странный незнакомец никак не идет на контакт, лишь насупившись молчаливо смотрит, прижав подбородок к груди, Гермес оперся руками на скамейку и тяжело, словно старик, поднялся на ноги, явно преодолевая болевой синдром, направился к системному администратору. Подойдя вплотную, он медленно наклонился, ведь был на две головы выше. Доверительно смотря в глаза и пытаясь казаться веселым, Гермес спросил: «А что приключилось у тебя такого, что ты так распустил нюни? Давай, парень, поделись со мной».

От чуткого внимания великого спортсмена-идола Савелию стало хорошо и спокойно. Словно он одним своим добрым взглядом укрыл от всех бед и страхов, грызших его еще минуту назад. Никогда прежде Савелий не чувствовал таких приятных удивительных ощущений. Ни одно антистрессовое приложение не позволяло ему так расслабиться и раскрепоститься, как добрый взгляд и грубый голос этого живого человека. Старший сисадмин хотел было представиться как полагается по цифровому этикету – помимо имени, назвать два основных никнейма, номер аккаунта, социальный рейтинг, текущей гендер и сезонные сексуальные предпочтения. Но подкативший к горлу ком, сплетенный из неведомых до сих пор эмоций, заставил его лишь брызнуть слюнями и вновь разреветься. Великий спортсмен не успел отереть своё лицо, как Савелий бросился ему на шею и крепко обнял.

– О, милостивый бог! Парень, что ты вытворяешь? Ты что, из этих? Ммм... как там вас правильно называют... с ментальными особенностями?

Олимпийский спортсмен терпеливо ожидал окончания объятий. Наконец, он дружелюбно похлопал Савелия по спине.

– Ну-ну, пацан. Что бы там не было, все уже позади. Может мы с тобой присядем, и ты расскажешь мне все то, что тебя гложет? Любую проблему можно решить, поверь. Что скажешь?

Савелий закивал головой и, наконец, отпустил руки. По-

сле, от чего-то прихрамывая на правую ногу, поплелся к скамейке. Рядом с ним сел и Гермес. Савелий все еще не представлял, что ему необходимо делать. В этом месте не было никаких всплывающих окон с показателями и статистикой. Не было никаких интуитивных настроек, ползунков подкрутки характеристик. Он совершенно не представлял, как в этом месте решать какие-либо проблемы. Не существовало ни маркеров, ни указателей, которые могли помочь ему в нахождении решения необходимой задачи. Нельзя было заглянуть внутрь Гермеса, чтобы посмотреть где и какого рода сбой произошел в его «софте». Интерфейс этой реальности был невероятно скуп, и все на что ты мог положиться – собственные умозаключения и интуитивные ощущения. Савелий чувствовал себя совершенно безоружным. Все его обширные технические знания попросту не работали там, где не было никакой техники. К тому же сам он чувствовал себя совершенно сбитым с толку из-за всех этих непонятных, но очень сильных ощущений, что искрами бегали по его нервной системе. Савелий решил, что это какие-то аппаратные помехи в синхронизации мозговых волн двух контрагентов.

Тем временем слезы перестали течь из его глаз, а дыхание немного успокоилось, хотя, конечно, без каких-либо датчиков сказать наверняка было затруднительно. Единственным способом коммуникации, который имелся у Савелия с Гермесом, был тонкий и ненадежный канал речевой связи. Такой вид передачи информации считался совершенно

устаревшим и почти не использовался теперь в метареальности. Все от того, что имел большой потенциал потери и искажения информации с одной стороны и недостаточно точную, неоднозначную и зачастую громоздкую систему. Такая система имела очевидные минусы – входящая информация могла интерпретироваться совершенно не так, как задумывал отправитель. Раскодирование любого послания строго зависело от имеющихся библиотек на хардах у контрагентов. Из-за этого один и тот же информационный код мог деформироваться и приобретать посторонние оттенки, исходя из наличия или отсутствия у ведущих беседу тех или иных эмоциональных адаптеров, психологических стабилизаторов, информационных заслонок и моральной фильтрации. Все эти ужасные недостатки речевой модели приводили к огромным потерям данных, разногласиям, техническим накладкам и рассинхронизации, вплоть до фатальных ошибок. Сейчас в метареальности речью пользовались только в тематических мирах, посвященных истории человечества, и граждане, использовавшие древнюю человеческую речь для передачи информации, считались особо радикальными садомазохистами и задротами. В метареальности нет числа тем способам, которыми ты можешь общаться с миров вокруг себя. Хочешь общаться как скучный консерватор с помощью двоичного кода или логико-математических формул? Хочешь передавать информацию как модный художник с помощью подводного асинхронного танца тысяч медуз? Все

это было легко и доступно. Но общепризнанным и самым распространенным способом общения в метареальности были слепки нейронных треков или по-другому – мыслеобразы. Это самый удобный и наиболее точный способ передачи контента, конечно, для повседневного быта. Ты просто кидаешь слепок нейроощущений в рум, и другой человек буквально имеет возможность залезть в твою шкуру и почувствовать все так, как это виделось и ощущалось тебе. Но чаще подключался прямой канал, где мыслеобразы единым потоком, словно мячик, отбиваясь от нейроконтуров одного юзера, летели к другому и назад, создавая непрерывный диалог одной цифровой души с другой. Недостаток библиотек одного из юзеров компенсировался мгновенным погружением необходимого опыта с просторов метареальности. К примеру, один из участников приватной беседы захотел поделиться с другим собственным опытом того, как он прожил месяц в муравейнике в роли рабочего муравья, испытывая горячие любовные чувства к другому муравью из касты солдат. Запретная муравьиная любовь, отказ от социальных архетипов общества членистоногих, познание собственной потаенной сексуальности и все прочие не менее значимые элементы пережитого опыта легко и непринуждённо подгружались собеседнику через нейрослепки, даже если тот впервые в жизни слышал о каких-то там муравьях и в повседневной жизни предпочитал проживать жизнь картины абстрактного художника, висящую в общественной галерее. Люди в мета-

реальности могли быть настолько разными и порой настолько отдалялись, что узнать друг в друге человека могли лишь по индикационному номеру профиля. Но все же они могли легко общаться и делиться опытом. Дружья, враги, семья, нация, раса – все это стало пустым звуком в метареальности. Человек в эпоху игр окончательно осознал, что он один. Один и сам по себе. А все остальные – лишь соигроки, преследующие цели, прописанные в сценарии их ролей, в метареальности сегодняшнего дня. В мире людей все перемешалось, и лишь поворот хаотичного колеса фортуны определял кто кому сегодня друг, кто семья, кто кому адвокат, а кто сегодня за дьявола, завтра же все менялось с ног на голову. Роли менялись легко и без особой рефлексии, ведь честь, стыд, долг, ответственность – все эти понятия померкли и не имели веса. Кого стыдиться, если все разрешено? Перед кем нести ответственность, если всё автоматизировано? К чему честь, если всё лишь игра, от исхода которой ничего не зависит, потому как следом начнется следующая? Победы и проигрыши не важны на самом деле, нет гордости и разочарований, амбиций и чувства выполненного долга. Важен был лишь текущий нарратив. Он определял правила актуальной игры, а значит являлся истиной в первой инстанции. Мир людей – бесконечные адвенчуры, реконструируемые для замыливания собственных глаз, чувств, мыслей. Так жил современный человек. Ранее на пике технической и гуманитарной мысли человек, наконец, возвысился настолько,

что смог на равных стоять лицом к лицу с бытием. И когда он взглянул в пустые глазницы сущего, не увидел там ничего, кроме всеобъемлющей скуки, ведь все секреты вселенной уже были человеку известны. Занимать самого себя былыми догадками и поисками смысла не представлялось более возможным, и потому человек решил отвлечь свой разум придуманными забавами и несерьезными ситуациями, к которым сам себе поклялся относиться очень серьезно. Очень скоро человек перестал помнить о том, что все происходящее – часть его же выдумки. Он по-настоящему вжился в проистекающие одна из другой надуманные проблемы и, решая их, испытывает всю радугу живых эмоций – пугаясь, страдая, веселясь, веря и надеясь. Так, человек, утративший смысл, нашел утешение.

Гермес не без некоторого раздражения разглядывал сгорбившуюся дрожащую фигуру слезливого незнакомца.

– Давай начнем с малого. Меня зовут Джон. При жизни, пока я не попал в ад, я был профессиональным спортсменом. Хотя, конечно, ты можешь об этом догадаться и так. А как насчет тебя? Кто ты и как сюда попал?

Савелий утер рукой слезы и жалобно пропищал.

– Никакой это не ад, а ты никакой не Джон. Ты вообще ничего такого не должен знать и воспринимать. Это все какой-то системный сбой. А я должен с этим разобраться, но я понятия не имею, что это за проблема. Такого просто не может быть, такого не могло случиться.

Слезы вновь навернулись на глазах старшего системного администратора.

– Это против правил. Ни в одной должностной инструкции, ни в одном протоколе о такой ситуации не написано. Это не честно, жульничество, надувательство.

Спортсмен нервно потер коротко стриженую голову.

– Ну, разумеется, если я попал в ад, то черти подсылают мне испытания, чтобы еще больше меня запутать и заставить страдать. Не стоит удивляться ничему Джон, просто мотай свой срок, рано или поздно все закончится хорошо, – обращаясь к самому себе, прошептал Гермес.

Внезапно горечь и растерянность Савелия заменило чувство нарастающего гнева. Он вскочил на ноги и принялся барабанить ладонями по могучему плечу Гермеса.

– Почему ты сидишь?! Ты должен всегда бегать, тренироваться. Так задумано, так тебе предписано, – срывался на крик сисадмин. – Скоро олимпиада, показатели всех графиков на вкладке производительности должны быть на пиковом уровне. Только так ты сможешь рассчитывать на победу, – Савелий окончательно впал в истерику. – Все не так! Хочу, чтобы ты бегал! Хочу, чтобы ты чувствовал себя хорошо, чтобы все показатели психического здоровья были в зеленой зоне! – щеки Савелия пылали. – Гормоны в норме! Я все сделал правильно! Этого всего не может быть! Не может, просто не может, все против правил! Ты специально хочешь мне навредить? – сисадмин безвольно опустил на землю и

залился новым приступом безобразных рыданий.

– Послушай, парень, я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь, но вся эта ситуация мне не нравится еще больше, чем тебе. Я просто очнулся здесь на этой скамейке вместе с моими воспоминаниями о жене, друзьях, земной жизни... И с тех пор я не переставал страдать. Интуиция подсказывает мне, что мое тело давным-давно носится по этому проклятому стадиону, потому как техника столь отточена, а бег так быстр, как я не мог и мечтать при жизни. Но, видимо, дьявол решил, что мучить только лишь тело не достаточно справедливо относительно моих грехов и поэтому вернул дух из небытия, чтобы я мог осознать всю тяжесть моего положения. Я надеюсь, что в этом есть урок, и через страдание ко мне придет покаяние, а после и просветление. Быть может я заслужу второй шанс.

Гермес покачал головой, словно бы не верил в свои собственные слова. Затем он тоже присел на землю рядом с Савелием.

– Но я уже так устал. Я здесь уже целую вечность. И ничего, кроме изнуряющего, отупляющего бега. Мне кажется, что вот-вот я умру от зашкаливающей усталости тела и страданий души, надеюсь, что сердце наконец лопнет от нагрузок. Но этого всё не происходит. Лишь на секунду всё меркнет перед глазами, а затем я вновь оказываюсь на скамейке. И всё происходит вновь.

Гермес прикрыл глаза. Веки его чуть подрагивали, но су-

ровое, грубое лицо оставалось спокойным. Он затих.

Зато ум старшего системного администратора, который было совсем поник, оживился, зацепившись за возможную подсказку, прятавшуюся за словами спортсмена.

Гермес сказал, что чувствует нарастающие нагрузки, заканчивающиеся перегревом и принудительной перезагрузкой системы. А затем цикл повторяется вновь. Это было уже кое-что.

Савелий оживился, подскочил на ноги и стал кругами ходить вокруг затихшего спортсмена, обдумывая полученную информацию.

Вероятно, стоило разорвать этот порочный круг внутри головы спортсмена, затем очистить кэш с непонятно откуда подтянутой информации о личности некоего Джека, древнего человека, чье ДНК когда-то использовалось как базовый элемент при создании Гермеса. Тогда все встанет на свои места.

Настроение у Савелия резко улучшилось. Он даже стал подпрыгивать на месте и хлопать в ладоши от радостного возбуждения. Он уже точно знал, что нужно делать. Дело было совсем простое, стоило только вернуться в физтело и совершить нужные манипуляции с тронем спортсмена. Еще какое-то время займет поиск аномалии, что явилась причиной всей этой ситуации, и написание отчета для начальства. И тогда в конце рабочего сезона Савелий мог смело рассчитывать на премию.

Старший системный администратор подумал, что пора

возвращаться, но напоследок решил запечатлеть в памяти олимпийского спортсмена. Ему удалось побывать рядом с ним в момент сбоя его рабочих алгоритмов. К сожалению, из-за того, что этими впечатлениями нельзя было поделиться в метареальности, всякая их ценность падала практически до нулевого значения. Осознав это, Савелий более не испытывал ничего кроме холодного рабочего равнодушия. Всё оттого, что уникальностью момента невозможно было похвастать в мире людей. Ценность любой вещи в метареальности определялась исключительно охватом аудитории. Значимость контента становилась тем больше, чем большее количество профилей пропустили его через фильтры своих душ. Чем интенсивнее и дольше оставался цифровой шум в пространстве после дегустации контента, тем ценнее и уникальнее он становился. При этом совершенно не имело значения – положительный шум или отрицательный вызывал после себя контент. Далеко не важно, насколько одобрительными или хулительными будут отзывы, насколько мерзким или прекрасным, добрым или злым, поучительным или безнравственным будет наполнение контента. Все эти понятия давно потеряли былое значение в цифровой реальности. Единственно важным оставался только шум. Идеальным шедевром считалось лишь то, что производит невероятный всепоглощающий виртуальный грохот, который раздается эхом из каждого чата, из каждого мессенджера, с каждого билборда. Идеальный контент должен был заглушать всё вокруг, что-

бы ничего иного нельзя было ни различить, ни опознать. И тогда вся метареальность превращалась лишь в бесконечные отголоски и отсылки к великолепному контенту и его уважаемому криэйтору. Но такой перфоманс был по силам лишь избранным, навроде благословенного говноеда Себастьяна и равных ему.

Именно поэтому Савелий так резко изменил свое отношение к происходящему. Его собственное нахождение в гиперпространстве спорт-селебрити из потенциально эмейзинг адвенчуры тут же превратилась в постные рабочие будни.

Савелий разочарованно и с нескрываемой досадой бросил прощальный взгляд на до сих пор бездвижно сидящего на земле спортсмена. Древний человек по имени Джон каким-то образом не впечатлил сисадмина. Во-первых, он почти ничего не понял из того, что тот наговорил. Почему Джон считает, что ад – это нечто плохое? Сейчас каникулы в допреальности ада могли позволить себе не менее чем средней руки инфлюенсеры. Испытать inferнальные страдания считалось утонченным и высокоинтеллектуальным опытом. Такие нарративы рассчитывались в основном на богатых эстетов и потомственных стримеров ретро-хоррор контента. И при чем тут его жена, которая находилась, по его словам, в куда менее престижном раю? Какая именно жена? Даже у почти асексуального и принявшего обет целомудрия Савелия за последние игровые сезоны было не меньше десяти мужей

и жен, два шугардэдди и с полдюжины секс-рабов и анальных господинов. Во-вторых, Савелию совершенно чуждым казался контекст рефлексии древнего человека по поводу искупления грехов, вечных переживаний и жажды сладостного забвения. И уж совсем неприемлемым казалось жалоба на участь спортсмена. Быть олимпийским спортсменом в метареальности значило, что каждый твой инфовысер обязательно будет востребован и услышан. А быть услышанным в многомиллиардном обществе, в первую очередь, значило быть – существовать в действительности. Если тебя слушают, лайкают или дизлайкают – значит ты существуешь, значит ты являешься кем-то настоящим. До этого момента ты просто статистическая единица, безликая цифра на графиках мониторинг-ботов. Бесплотный зритель чужих настоящих жизней, которые проживают более успешные трейдеры цифрового контента. Не имело значения даже то, что биологический спортсмен, заточённый в капсулу трона, не живет никакой другой жизнью, кроме как тренировками и соревнованиями. Зато у него есть цифровой аватар, оживший совместными усилиями сотен маркетологов и проживающий красивую и беспечную жизнь. Это и было счастье для большинства граждан метареальности. Они не могли представить себе более лучшую долю, и те, у кого были хоть какие-то амбиции стремились именно к этому. Ведь это была самая главная и самая старинная игра человечества – игра в царя горы.

Савелий отвел взгляд от грубого лица Гермеса, совер-

шенно ничем не примечательного. Ни трехмерных пропагандистских татуировок, ни наращённых на лбу рогов или гениталий, не было даже классического перламутрового нано-макияжа. Чистая и скучная кожа, лишь покрытая ровным медным загаром. Все же от внимательного специалиста не укрылось, что выражение лица у Гермеса было куда более расслабленное и спокойное, чем когда он увидел его впервые. Савелий порылся в памяти и, припомнив уроки антропологии, пришел к выводу, что подобные изменения считались маркером позитивной динамики психического состояния у древних людей.

Это значило, что Савелий ненароком все же повлиял на состояние спортсмена. Может быть лишь одним своим появлением здесь он перенастроил химические процессы в мозгу своего подопечного. Он не знал точно, мог только догадываться. Тут же в старшем сисадмине загорелся интерес. Конечно, он мог вернуться обратно в рабочую комнату и через трон в пару кликов решить эту проблему стандартным способом. Но, увидев положительные результаты от рискованного проникновения в личное пространство спортсмена, он просто не мог отказаться от последней попытки исправить проблему, так сказать, вручную прямо на месте. Савелий подумал так: Гермес всего лишь механизм с простым набором функций и довольно примитивными алгоритмами действия. Пусть он, Савелий, не разбирается в древних интерфейсах обмена данными, которые работают в этой гиперреальности,

но он все же инженер по рождению и неужто ему не хватит знаний, чтобы разобраться в вербальном и невербальном аппаратах, которые, как он точно знал, являются главными рычагами воздействия одних биологических систем на другие. Та же как самые закодированные строки кода, вылетающие в виде звуковых волн изо рта или передаваемые зрительно через механические движения тела, жестикуляция, мимика, разговор – лишь поток информации, обернутый в команды, передающиеся между двумя или более мозгами с целью разрешения определенных задач. Основы программирования. Конечно, в метареальности непосредственным написанием кода люди уже давно не занимались. Савелий, например, даже не имел понятия, как сейчас выглядит язык на, котором писалась метареальность. Этим занималась особая структура – постоянно саморазвивающаяся нейросеть, без конца оптимизирующая и облегчающая логические конструкты, которые использовались как фундамент для всей виртуальной реальности. Передача информации с помощью древнего речевого аппарата была отвратительной работой, как по сложности процесса, так и по результативности. Языки древности столь плохо описывали реальность и, того более, субъективное восприятие людей, что чаще всего люди либо не понимали друг друга вовсе, либо понимали превратно или же извлекали из сказанного прямо противоположные смыслы. Как человечество смогло выжить с таким неточным и дырявым каналом обмена информации, оставалось для Савелия загад-

кой. Невероятным трудом и потерей времени оборачивалось любое совместное взаимодействие. Тем не менее язык людей был прародителем всей метареальности, а значит работал по тем же законам, хоть и ужасно неоптимизированным, с ничтожным КПД относительно затраченных энергетических и временных ресурсов.

Больше Савелий не сомневался. Ему казалось, что причин для отмены задуманного нет. Он сделал несколько шагов к Гермесу и, приблизившись вплотную, навис над ним, уперев руки в бока и состроив самую серьезную мину. По чести сказать, для современного человека Савелий отличался большой выдержкой, благоразумием и осторожностью. Как минимум прежде чем что-то начать делать, он старался или во всяком случае делал вид что старается продумать следующий ход и возможные последствия своих действий. Обычно люди метареальности что бы они не делали – делали это импульсивно, подчиняясь мимолетному желанию или интересу. Так было потому, что разномастные автономные системы контроля и исправления ошибок чаще всего легко и безболезненно нивелировали любые негативные эффекты и последствия, которые своими необдуманными действиями мог привести самый безответственный юзер. Цифровая вселенная действительно приходила на помощь человеку при малейших затруднениях: подсказывала путь, варианты решения проблемы, подсвечивала, на что стоило обратить внимание. Метареальность, словно огромная всеобъем-

люющая мать, постоянно следила за своими чадами, уберегая их от возможных опасностей, причиной которых чаще всего они становились сами для себя.

– Вставай! – истерично провизжал Савелий, обращаясь к спортсмену. Он знал, что повышение уровня децибел при речевом контакте дополнительно стимулируют нервную систему оппонента, поэтому постарался сделать голос как можно более громким и высоким. Результат показался ему превосходным. В самом деле, Гермес тут же открыл глаза и с недоумением посмотрел на него.

– Кажется, что я наконец смог уснуть. Мне снилась жена, – мечтательно сказал Гермес. – Тот день, когда мы с ней только познакомились. Она продавала молочные коктейли в небольшом передвижном ларьке возле стадиона, на котором я тренировался. Она мне так понравилась, что пришлось выпить три коктейля подряд, прежде чем я смог разговорить ее достаточно, для того чтобы она дала свой номер. А ведь я тогда сгонял вес перед очередными соревнованиями, – спортсмен глухо засмеялся. – Зачем ты меня потревожил? Впервые с тех пор, как я оказался здесь, мне было хорошо.

– Тебе нужно тренироваться! – надрывая связки пропищал Савелий. – Вставай и беги! Вставай и беги! – сисадмин отдавал короткие речевые приказы в надежде, что простота их конструкции выражения и очевидность посылки не даст повода для ложной интерпретации со стороны Гермеса, – Тебе понятно? Бегать! Как положено всем бегунам. Бегуны –

бегают. Ты – бегун, значит ты должен бегать. Чем быстрее бег, тем лучше. Бегать по дорожкам, вокруг стадиона. Быстро, быстро!

Поразмыслив, Савелий добавил.

– Бег – это главный и основной способ передвижение бегуна в пространстве. Осуществляется в результате координированной деятельности скелетных мышц и конечностей.

Гермес все это время морщился от жуткого скрежещущего фальцета незнакомца, ниспосланного ему в наказание самим дьяволом.

– Поверь, я знаю, что такое бег и как это нужно делать, – раздраженно выпалил спортсмен, поднимая свое раскаченное тело на ноги. – Кто ты вообще такой? Чего пристал ко мне? Не хочу я бегать, я свое отбегал. Наконец, у меня пропало это маниакальное желание нестись вперед неизвестно зачем. Раз уж мне суждено провести вечность на этом чертовом стадионе, я лучше буду мечтать о встрече с любимой женой, чем бессмысленно утруждать себя опостылевшим трудом.

– Никакой жены! Отмена жены! Отмена! Только бег! Только соревнования! – надрывался Савелий.

– Пошел ты к черту! Ты и все, кто за тобой стоят! – разозлился Гермес.

Савелий чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Нахмуренное лицо и грозный взгляд Гермеса говорил о совершенно противоположном эффекте, которого хо-

тел добиться сисадмин. Он попробовал сбавить тон и на этот раз заговорил низким полушёпотом.

– Слушай внимательно. Жены не будет. Ничего не будет. Будет бег. Победа в соревнованиях важнее всего.

В следующее мгновение сознание Савелия сотряслось и почти померкло от яркой вспышки болевых ощущений. Еще бы чуть-чуть и его бы вышибло из гиперреальности, словно от короткого замыкания. Но уже через мгновение адреналин был впрыснут в мозг, и ускользящее восприятие вернулось к сисадмину. Когда зрение вновь сфокусировалось, Савелий увидел мутный клочок неба, а затем его перекрыл большой, словно кувалда, кулак Гермеса. Вновь сознание перекрыло яркими всполохами болевых сигналов. А затем вновь и вновь.

– Что ты там сказал про мою жену?! Никогда не смей угрожать моей семье! Я вас не боюсь! – рычал Гермес, молотя дюжими руками по слабому телу системного администратора. Впрочем, последний уже его не слышал.

У всякого гражданина в метареальности был негласный список опытов, которые ему необходимо было испытать, для того чтобы считаться положительной единицей социума. Помимо прочего в этот список входил и опыт садомазохизма. Савелий испробовал многое – от классического сексуального садомазо с плетьюми и латексными костюмами, до аутентичного монашеского самобичевания. Но никогда по-настоящему от этого он не получал удовольствия и делал это ско-

рее из социальной необходимости. Боль казалась ему слишком приторным в своей навязчивости состоянием, неким китчем внутренних переживаний. Любая боль, как и любые сексуальные отношения в метареальности, по мнению старшего системного администратора – бычий кайф, не отличающийся ни изяществом, ни тонкостью ощущений. Боль и секс были дешевым народным опиумом, и никто из серьезных нонтреш инфлюенсеров не обременял свою репутацию ни тем, ни другим. Стараясь им подражать, Савелий так же сводил к минимуму и не афишировал эти аспекты жизни. Но сейчас Савелий ощутил боль совсем по-другому. Простенькие и унылые физические повреждения от кулачного избивания в этот раз по интенсивности перекрыли даже самые затейливые БДСМ-фетиши, которые он испытывал в метареальности, навроде членовредительства бензопилой или сжигания на костре. Наверное, дело было в том, что Савелий находился в пропитанной мучениями и психической депрессией гиперреальности спортсмена, где ощущения становились намного насыщеннее и приобретали яркие оттенки, словно выдержанный в дубовой бочке коньяк. Савелий чувствовал нечто потрясающее, столь красиво и сладостно он не страдал никогда. Время для него сильно замедлилось. Он с упоением чувствовал хруст носового хряща, то, как выбитые зубы вылетая ударяются о небо, как лопается кожа на скулах, и брызжет теплая кровь. Все это сопровождалось шумными фейерверками разлетающейся по телу боли. Опыта уникаль-

нее Савелий не испытывал за всю свою жизнь. Ощущения были столь остры и явственны, и казалось, что все прочее, что было в его жизни до этого момента – лишь дешевая подделка, симулякр, не несущий в себе и десятой доли ответственности оригинала. Болезненность была тяжела, едва переносима, но она была настоящей. Савелий как будто оказался на самом красивом и трагичном спектакле всех времен и народов, где глубина драматического сюжета и форма изобразительного искусства достигли своего пика настолько, что зритель оказался уже не в замороженном состоянии транса или исступлении агонии, а превратился в раскалённое добела игольное острие, на кончике которого трепыхается его безвольный рассудок. Затем все закончилось. Одновременно старший системный администратор почувствовал великое облегчение и невероятную печаль от того, что все прошло. Хотелось бы Савелию посмотреть на великого спортсмена, подарившему ему столь драгоценное счастье, но судя по всему глаза ему выбили. Дышать с каждым разом становилось всё тяжелее, видимо, трахея тоже была повреждена. Савелий понял, что сейчас умрёт, и тогда случится дисконнект. Из последних сил он поднял руки и почувствовал, что ухватился за Гермеса, который всё ещё сидел на нем сверху. Слабеющими руками он потянул спортсмена на себя, и тот на удивление не стал сопротивляться. Ощувив жар разгоряченного тела, Савелий понял, что Гермес совсем рядом. Напрягая голосовые связки, чувствуя, что в любую се-

кунду произойдет разрыв соединения, Савелий прохрипел: «А теперь... ты будешь бежать... как положено».

Затем для Савелия на секунду наступает темнота, и он приходит в себя в своем рабочем теле.

Какое-то время он пытается отойти от шока, перенесенного им только что в сознании Гермеса. Слезы восторга катятся по его щекам. Наконец, он поднимается на ноги и долго с почтением смотрит на сморщенное дистрофичное тело спортсмена в капсуле. Когда привычное восприятие реальности возвращается к Савелию, он вдруг понимает, что мертвецки устал. Пора было заканчивать рабочий сеанс и возвращаться домой в метареальность. Напоследок он открывает вкладку статистики на троне и с приятным удивлением отмечает, что былого психического стресса у спортсмена как не бывало. Более того, судя по параметрам он активно тренировался, а показатели мотивации и спортивной ярости резко выросли. Савелий порылся в системе и быстро нашел глюк из-за которого сознание Гермеса интегрировало с ДНК-памятью Джона. Это легко было исправить, но старший системный администратор делать этого не стал. Показатели психополя были в норме – очевидно, что антистресс-терапия Савелия сработала, во всяком случае, сегодня. При наблюдаемом бусте показателей, вероятно, стоило включить подобные мероприятия в рабочий график спортсмена. Для начала в тестовом режиме. Кто знает, к чему это могло привести!?

Если все пойдет по плану, то выжимать нервную систему бе-

долаги Джона можно было до самой олимпиады. Возможно, это поможет Гермесу попасть в ТОП-30, а то и в ТОП-10. А если хорошенько простимулировать гнев Джона через манипуляцию его страхов и предрассудков, которых у древних людей имелось в избытке, то чем черт не шутит, может в спринте на сто метров ожидается смена чемпиона. Савелий искренне порадовался новым перспективам, открывшимися перед его подопечным. Позиция Гермеса в спортивных рейтингах была основной целью в жизни Савелия, а также многих сотен других людей, стоящих за этим брендом. И потому наткнуться на такую программную фичу было огромной удачей для них всех. Необходимо лишь утрясти юридические и этические аспекты ситуации, чтобы спортивная ассоциация не расценила все это как нелегальный допинг или преступление против личности. И если все окажется в порядке, можно будет всерьез заняться разработкой действенной тренировочной системы, которая, в этом Савелий не сомневался, покажет отличные результаты.

Савелий наспех провёл протокол завершения рабочего сеанса и, уже укладываясь в свою капсулу, подумал, что после написания отчета сразу же отправится в самую экзотическую и хардкорную БДСМ допреальность, какую только сможет найти на просторах метареальности. За пьянящим и будоражающим предвкушением сумасшедшего урагана острых ощущений прятался и леденящий душок неприятного волнения. Старший системный администратор Савелий очень боялся,

что не сможет найти в кибервселенной ощущений столь же живых и настоящих, как испытал сегодня в «реальном» мире. Явственно думать о такой возможности было по-настоящему страшно. Ведь если такое случится, тогда превосходство метареальности встанет под вопросом. И сам смысл ее существования пошатнется, ведь никто более не станет верить в установленный нарратив и подчиняться его условностям. И тогда великой игре придет конец.